

10. Аржанников, М. Ю. Композиционная организация и языковые особенности немецких заговоров XII–XVI веков : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. Ю. Аржанников. – Барнаул, 2017. – С. 8.

11. Коровашко, А. В. Заговоры и заклинания в русской литературе XIX–XX веков : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А. В. Коровашко. – СПб., 2010. – 56 с.

12. Азизов, О. Ўзбекча-русча лугат / О. Азизов, З. Ризаева. – Toshkent : Ўқитувчи, 1989. – Б. 59.

13. Щеглова, Н. И. Заклинание как побудительный речевой акт в новозаветных текстах / Н. И. Щеглова // Индоевропейское языкознание и классическая филология-XXI: материалы чтений, посвящ. памяти проф. И. М. Тронского. – СПб., 2017. – С. 906.

14. Русско-узбекский словарь / С. Ф. Ақобиров [и др.]: в 2 т. – Ташкент : Гл. ред. УзСЭ, 1983. – Т. 1: А – О. – С. 318.

15. Виноградов, В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. – 4-е изд. – М. : Рус. яз., 2001. – С. 481.

16. Гусаренко, М. К. Дискурсивные разновидности, перлокутивная прагматика и пропозициональные характеристики речевого акта пожелания в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук / М. К. Гусаренко. – Ставрополь, 2005. – 196 с.

17. Ҳошимов, Ү. Нур борки, соя бор. Роман / Ү. Ҳошимов. – Toshkent : Адабиёт ва санъат нашриёти, 1977.

18. Хашимов, У. Свет не без тени: Роман / Авториз. пер. с узб. В. Турбиной / У. Хашимов. – Ташкент : Изд-во лит. и искусства им. Гафура Гуляма, 1983.

19. Poshimov, O'. Dunyoning ishlari: Qissa va hikoyalari / O'. Poshimov. – Toshkent : Yangi asr avlodi, 2015. – Б. 224.

20. Хашимов, У. Дела земные: Повести, рассказы; пер. с узб. / У. Хашимов. – М. : Сов. писатель, 1984. – С. 147.

21. Кадыри, А. Минувшие дни: Исторический роман / А. Кадыри; отв. ред. Б. Голендер. – Ташкент : Shaq, 2009.

22. Said Ahmad. Qora ko'z majnun: hikoyalari / Ahmad Said. – Toshkent : O'zbekiston, 2013. – 232 b.

23. Гафур Гулям. Озорник / Гулям Гафур [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://itexts.net/avtor-gafur-gulyam/198483-ozornik-gafur-gulyam/read/page-1.html>. – Дата доступа: 19.03.2023.

УДК 811.161.1

А. А. Кирдун

*(Белорусский государственный технологический университет,
Минск, Республика Беларусь)*

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОККАЗИОНАЛИЗМЫ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ИРОНИИ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Abstract. *The report is devoted to an urgent problem – the study of word-formation occasionalisms as a means of expressing irony. Occasionalisms are understood as new words with inherent (intrinsic) and adherent (manifested in context) expressiveness, generated in speech and not recorded in lexicographic sources. Irony is understood as a mockery, which is based on a sense of superiority of the speaker or writer, and in a hidden form there is an offensive response for the addressee. Based on the material of Russian-language texts posted on the Internet or*

in popular messengers, the most productive conventional and non-conventional ways of the formation of occasionalisms are considered. Their ironic character is due to the attitude of the speaker to the denoted denotation. It is noted that a significant part of neoplasms is created on the basis of proper names.

Keywords: *irony, word formation, occasionalisms, expressiveness, modern mass communication.*

Ирония относится к тем феноменам, которые длительное время перманентно находятся в фокусе исследовательского интереса в самых различных областях науки. Иронию рассматривают как юмористический жанр, занимающий место между сатирой и пародией [1; 2]; как стилистический прием, построенный на завышении оценки с реальной целью ее понижения [3; 4]; как явление вторичной номинации, при которой говорящий выражает собственное насмешливое отношение к объекту именованного [5]; как «форму оценочного, критического, эмоционального освоения действительности» [6; 7]; как тип вербального поведения в социуме [8; 9]; как вид речевого воздействия или манипулирования [10; 11] и многое другое. Кроме того, иронию определяют как категорию философскую, эстетическую, этическую, коммуникативную, семантическую, прагматическую, семантико-прагматическую и т. д. По мнению Е. В. Беляевой, «главная причина такой активизации исследовательского интереса – это специфический «паниронизм» современной культуры, ожививший интерес к сократической, романтической, экзистенциалистской, постмодернистской и другим трактовкам природы иронического» [12].

Действительно, научная литература, посвященная иронии, весьма обширна, и обобщение исследовательских подходов к определению этого феномена требует отдельного объемного описания. Отметим только, что в каком бы аспекте или ракурсе ни рассматривалась ирония, в ее интерпретации все же обнаруживаются некоторые общие «точки», которые можно представить следующим образом: возникновение иронии основано на чувстве превосходства говорящего / пишущего над собеседником и / или объектом иронического отношения; зачастую тактики и стратегии создания иронии основаны на расхождении между буквальным смыслом сказанного / написанного и реальной ситуацией, что позволяет говорящему / пишущему давать описываемым событиям деонтическую оценку, т. е. сравнивать описываемую ситуацию с тем, «как должно быть» [9, с. 331]. Выделим также из работ ученых некоторые положения, значимые для настоящего исследования [9; 13–15]:

четко закрепленных средств выражения иронического смысла не существует, словарное пространство иронии не ограничено, ироническая интенция говорящего / пишущего может быть реализована за счет средств или взаимодействия средств любых языковых уровней;

безошибочная интерпретация иронии возможна только при наличии знания реалий разных сфер жизни (например, истории и культуры народа); создание иронии – это проявление языковой креативности личности.

Сегодня особую актуальность представляет изучение словообразовательных окказионализмов – новых слов с ингерентной (внутренне присущей) и / или адгерентной (проявляющейся в контексте) экспрессивностью, порожденных в речи и не зафиксированных в лексикографических источниках. Словообразовательные окказионализмы являются ярким средством выражения самой различной оценочной экспрессии и чрезвычайно активно используются в речепроизводстве участников современной массовой коммуникации, в том числе и для выражения иронических смыслов. Фиксация и анализ подобного рода «продуктов» речевой деятельности значимы для постижения потенциала языка и понимания его «глубинной силы» [16].

Объектом настоящего описания являются словообразовательные окказионализмы, содержащиеся в контекстах с реализованной иронической интенцией автора. Обозначенные контексты извлечены из речевого материала, размещенного на русскоязычных интернет-ресурсах, а также в популярных мессенджерах.

Анализ собранных языковых единиц позволяет говорить об активности как узуальных способов, при помощи которых образуются окказионализмы стандартной структуры (созданные по образцу словообразовательных типов или с несистемными отклонениями от условий словообразовательного типа), так и незузуальных способов, при помощи которых образуются окказионализмы нестандартной структуры (созданные с системными отклонениями от условий словообразовательного типа).

К продуктивным способам образования окказиональных маркеров иронии следует отнести суффиксацию. По нашему наблюдению, особую активность проявляет суффикс *-инг*, который уже не раз привлекал внимание исследователей. Словотворчество с помощью этой морфемы характеризуется исследователями как лавинообразное, а само явление называют «инговым бумом», «инговым цунами». В частности, профессор Е. И. Коряковцева отмечает: «“Инговое цунами” заимствований, вызванное англоамериканизацией современных российских СМИ и русско-английским билингвизмом, развивающимся в молодежной среде русофилов, привело к полному усвоению суффикса английского герундия *-ing* и превращению его в терминоэлемент с процессуальным значением, который регулярно присоединяется к основам русских существительных, что ведет к появлению многочисленных иронических и каламбурных неологизмов – *nomina actipnis*» [17]. Об окказионализмах с суффиксом *-инг* пишет и профессор Е. М. Маркова: «Примечательно, что в языке масс-медиа этот англоязычный суффикс стал участвовать в образовании номинантов от русских корней,

придавая им ярко выраженный экспрессивный характер. В словотворчестве российских журналистов можно встретить такие окказионализмы, как *автобусинг*, *автомобилинг*, *блюдолизинг*, *болванинг*, *ведьминг*, *дурачинг*, *зацетинг*, *магазининг*, *дачинг* (‘пикник у забора дачи высокопоставленного лица’), *матросинг*, *бросинг* (трансформа устойчивого выражения *поматросить* и *бросить* – о несерьезности ухаживания мужчины), *бухалинг*, *похмелинг* («*Керлинг – это не наше. Жаль, в Ванкувере не было медалей по бухалингу и похмелингу*», «КП», 11.03.2010)» [18]. Сказанное в полной мере относится и к белорусскому сегменту сети Интернет, в котором окказионализмы с суффиксом *-инг* также частотны, могут образовываться и от существительных, и от глаголов, например:

лексема *тунеядинг*, образованная путем соединения суффикса *-инг* и корня существительного *тунеядство*: «*Сейчас жизнь такая – не правится пыльная работа, тогда иди тунеядингом занимайся!*»; «*Пойду в отпуск, и вот он! выжданный, вымечтанный – ту-не-я-динг!*». Окказиональное слово реализуется в значении ‘безделье’, т. е. сохраняет только отдельный компонент значения мотивирующего слова, ср.: ТУНЕЯДСТВО. Жизнь за счет чужого труда, на чужой счет [19];

лексема *флексинг*, образованная от сленгового слова *флексить*, имеющего значение ‘танцевать, веселиться, шумно отдыхать’: «*“Красиво жить не запретишь, но, Муха, денюжка откуда!?” – “А Муха по полю пошла и на флексинг денюжку нашла-а-а)”*»; «*Не флексингом единым живут наши студенты...*». Окказиональное слово *флексинг* во всех контекстах, оказавшихся в нашей выборке, реализуется в том же значении, что и производный глагол;

лексема *тиктокинг*, образованная от названия сервиса для создания и просмотра коротких видео TikTok и употребляемая в значении ‘чрезмерное увлечение созданием видео для TikTok или их просмотром’: «*Тиктокинг – это не развлечение, тиктокинг – это почти религия...*»; «*...Он литературно совершенно не изъяснялся, не писал, зато тиктокинг обожал... Чего ж вам боле? Народ решил, что он умен и очень мил*»);

В ряду «инговых» окказионализмов выделяется лексема *псакинг*, образованная от имени официального представителя Госдепа США Джен Псаки и реализованная в значении ‘речь малосведущего человека, наполненная противоречиями’: «*Псакинг «грамотного» зятя она слушала как Пушкин сказки своей няни не слушал!*»; «*Особенно «изящным» его псакинг был в том месте, где он говорил о необходимости развития красноречия с малых лет и приводил в пример «древнелатинского» оратора Демосфена*». Появление слова *псакинг* относится к 2014 г., когда в телевыступлениях

¹ Здесь и далее в примерах сохранены орфография и пунктуация источников.

Джен Псаки произносила фразы, свидетельствующие об отсутствии у нее знания о предмете речи. Так, мемами стали «берега Беларуси», «6-й американский флот», «ростовские горы». Российские интернет-пользователи создали на основе имени собственного Псаки и такие производные, как псакнуть – ‘сказать глупость’, один/одно псаки – ‘единица измерения интеллекта’, псакоман, псакомания – ‘навязывание аудитории неправдивой информации’, псакотерапевт – ‘тот, кто разоблачает псакомана’, псакизм – ‘бессмыслица’.

В контекстах, извлеченных из интернет-коммуникации автолюбителей, иронический оттенок возникает за счет суффиксальных окказиональных единиц, образованных от лексемы дурдом. К ним относятся:

глагол дурдомить, имеющий значение ‘нарушать Правила дорожного движения’ и производный от него глагол совершенного вида надурдомить: «А рядом со мной постоянно дурдомят представители 4-го региона. Причем в любом городе, преследуют, наверно 🤪»; «чтобы дурдомить, достаточно вывалиться со второстепенной под едущий по главной автомобиль, если вам уж так сильно лень головой подумать о том, что на видео 😊»; «...Дым зачетный. чуть-чуть было бы скользкой дороги, оформляли бы прям на месте 😊. А может когда машину ГАИ увидел начал судорожно пристегиваться? Вот и надурдомил сам себе»;

существительное дурдомщик, имеющее значение ‘тот, кто нарушает Правила дорожного движения’: «А разве дурдомщики соглашаются, что они дурдомят? Тут есть ездуны на красный, говорят, что так и надо, потому что он то велосипедист, то пешеход. Но когда происходит реинкарнация, одному ему известно»; «зы: на этом видео запечатлено намного больше реальных дурдомщиков (а не тормозов). Это все, кто едет в такую погоду без света или габаритов».

Выраженная ироничность свойственна и префиксально-суффиксальному окказиональному глаголу натрахтибидо́хать, возникшему в результате чересступенчатого словообразования и имеющего значение ‘загадать много желаний’: «В двенадцать откупорили шампанское, под визги молодежи разлили по бокалам, а потом, пока пили, каждый старался успеть натрахтибидо́хать себе в новом году чего-нибудь этакого-преэтакого». Лексема натрахтибидо́хать отсылает к советской повести-сказке «Старик Хоттабыч» Л. Лагина, в которой веселый джинн Старик Хоттабыч исполняет желания, вырывая из бороды волос, разрывая его и приговаривая: «Трах-тибидох».

К лексическим новациям относятся суффиксально-постфиксальные глаголы *инстаграмиться* ‘вести переписку в Instagram’ / ‘вести страницу в Instagram’, *телеграмиться* ‘вести переписку в Telegram’, которые также возникли в результате чересступенчатого словообразования. Оба глагола

не содержат в своем семантическом объеме компонентов ироничного, но словообразовательная «необычность» способствует их использованию в выражении ироничного отношения к действительности на уровне высказывания или текста, ср.: «Не телеграмиться и не инстаграмиться сегодня нельзя») в отстальные чудачки запишут»; «Сегодня дети инстаграмиться начинают раньше, чем ходить».

Ироническим эффектом обладают и новообразования, созданные путем контаминации. В нашей выборке присутствуют лексемы:

водятел, с помощью которой интернет-пользователи обозначают того, кто нарушает Правила дорожного движения либо создает помехи остальным участникам движения: «Минск. Водятел так захотел в пешеходы, что поехал по пешеходному переходу. Как быстро дятла найдут и накажут?»; «ВНЕ РЕЙТИНГА (БОНУС). Водятлы велосипедов. Многие называют неадекватными мотоциклистов, но, имхо, они просто дети по сравнению с некоторыми лисапедистами. Одни забавляются, “ловко” лавируя между не успевающими ничего понять пешеходами, а другие включают режим бессмертия и соревнуются на дорогах на равных с представителями, описанными в пунктах 1–7 этого рейтинга». Лексема образована от *водитель* и зоосемантической метафоры *дятел* с пренебрежительной коннотацией, актуализирующей негативную сему ‘глупый, несообразительный’;

простыяло, которая реализует значение ‘простыня, используемая как одеяло’: «Хозяйка усадьбы выдала каждому подушку, простыяло, и мы гуськом <...> потянулись к сеновалу...»; «Поездка на сидячем месте в плацкартном вагоне до Бобруйска на гомельском помогает развивать воображение. Вот сидишь себе среди высунутых из-под простыял и свисающих со вторых полок голых ног и представляешь джунгли». Лексема *простыяло* образована телескопическим способом, т. е. путем соединения начала существительного *простыня* и финальной части существительного *одеяло*. В результате такого соединения дериват, несмотря на стилистическую нейтральность исходных слов, приобретает шутивную окраску и способствует созданию ироничного характера всего сообщения;

простибо, которая также образована телескопическим способом, т. е. путем соединения междометия *прости* с финальной частью слова *спасибо*: «Мирон, твои котлеты во мне, конспект у меня, кошка со мной. Простибо!»;

продегусты́рить, созданная путем наложения разговорно-сниженного глагола *стырить* на начальную часть нейтрального глагола *продегустировать*. Лексема реализует значение ‘украсть еду со стола под видом ее дегустации»: «Пройдешь по Комаровке, продегустыришь там-сям, и кошелек открывать не надо»; «В субботу в кафетерии проведут «презентацию»

исторических блюд» и устроят мастер-класс по приготовлению «Шляхетских конфет», так что можете сходить продегустировать)))»;

хвастограммить, значение которой – ‘выкладывать в мобильном приложении Instagram фотографии с признаками богатой жизни’: «И работницы, и крестьянки, и вумэны, и мэны – хвастограммят все...»; «Хвастограмь не хвастограмь, а опуститься на землю все равно придется...». Слово образовано телескопическим способом от *хвастаться* + *Истаграм*.

В отдельную группу средств, имеющих потенциал для выражения иронических смыслов, можно выделить некоторые сленговые окказиональные слова, первое появление которых в белорусском сегменте социальных сетей и мессенджеров относится к 2021 г. и связано с темой коронавирусной инфекции COVID-19. Мотивирующими основами для слов этой группы могут быть как слова литературного языка, так и жаргонные: *ковидяки* – ‘студенческая группа, в которой подтверждены случаи заболевания коронавирусом’, *вакцинопудринг* – ‘речь невежественного человека о вакцинации, наполненная противоречиями’, *еданосец* – ‘тот, кто приносит продукты к комнате в общежитии или к квартире, где находится заболевший’, *тестануться* – ‘пройти тест на коронавирус COVID-19’. Одна из зафиксированных нами лексем представляет собой заимствование из жаргона наркоманов: *упоротые* – ‘о тех, кто прошел вакцинацию против инфекции COVID-19’.

В заключение отметим, что представленный перечень словообразовательных окказионализмов не является исчерпывающим применительно к описанию средств выражения иронии в целом. Вместе с тем он позволяет убедиться, что окказионализмы, будучи ориентированными на способности индивидуума креативно использовать словообразовательные возможности, заложенные в системе языка, активно задействуются в интернет-коммуникации для выражения иронической оценки предмета, явления, понятия, ситуации и т. п. Часть описанных словообразовательных окказионализмов могут быть «автономными» средствами выражения иронии в контексте, и в таком случае при их извлечении сам контекст теряет ироничный эффект, а часть словообразовательных окказионализмов, хотя и не локализируют ироничность, но как нетривиальные номинации в совокупности с другими компонентами способствуют выражению ироничной интенции. Экспрессивно-ироничный характер словообразовательных окказионализмов может быть обусловлен семантическими и / или стилистическими свойствами мотивирующих слов, оценочностью словообразовательных формантов, характером денотата, обозначенного производным словом, а также отклонением от условий того или иного словообразовательного типа, как, например, в случае образования дериватов на базе имен собственных политических деятелей.

Список использованных источников

1. Щурина, Ю. В. Классификация комических речевых жанров коммуникативного пространства Интернета [Электронный ресурс] / Ю. В. Щурина // Изв. ВГПУ. – 2014. – Вып. 2 (87). – Режим доступа: <file:///C:/Users/acer/Downloads/klassifikatsiya-komicheskikh-rechevyyh-zhanrov-kommunikativnogo-prostranstva-interneta.pdf>. – Дата доступа: 21.04.2023.
2. Дементьев, В. В. Социопрагматический аспект теории речевых жанров / В. В. Дементьев, К. Ф. Седов. – Саратов : Изд-во Саратов. пед. ин-та, 1998. – 107 с.
3. Гальперин, И. Р. Очерки по стилистике английского языка / И. Р. Гальперин. – М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1958. – С. 133.
4. Иванцова, Е. А. Ирония как стилистический прием [Электронный ресурс] / Е. А. Иванцова // APRIORI. СЕРИЯ: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. – 2016. – № 3. – Режим доступа: <file:///C:/Users/acer/Downloads/ironiya-kak-stilisticheskiy-priyom.pdf>. – Дата доступа: 01.03.2023.
5. Шилихина, К. М. Ироническая номинация / К. М. Шилихина // Вестн. ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – № 1. – С. 50–54.
6. Походня, С. И. Языковые средства и виды реализации иронии / С. И. Походня. – Киев, 1989. – С. 8.
7. Смирнова, С. И. Особенности реализации иронии в описательном и повествовательном типах речи / С. И. Смирнова // Вестн. ИГЛУ. Сер.: Филология. – 2013. – Вып. 4. – С. 284–289.
8. Пивоев, В. М. Ирония как феномен культуры / В. М. Пивоев. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2000. – 106 с.
9. Шилихина, К. М. Дискурсивная практика иронии: когнитивный, семантический и прагматический аспекты : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / К. М. Шилихина. – Воронеж, 2014. – 399 с.
10. Гомлешко, Б. А. Прагматические функции иронии в тексте // Вестн. Адыгейского гос. ун-та. Сер. 2: Филология и искусствоведение. – 2008. – № 3. – С. 11–13.
11. Ермакова, О. П. Ирония и ее роль в жизни языка / О. П. Ермакова. – Калуга : Изд-во КГПУ им. К. Э. Циолковского, 2005. – 204 с.
12. Беляева, Е. В. Структура иронического / Е. В. Беляева // Философия и социальные науки. – 2015. – № 1. – С. 47.
13. Карасик, В. И. Языковые ключи / В. И. Карасик. – Волгоград : Парадигма, 2007. – С. 435.
14. Лазарева, М. Е. Языковые средства выражения иронии на материале норвежских публицистических текстов : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / М. Е. Лазарева. – М., 2005. – 198 с.
15. Шилихина, К. М. Метафора и ирония / К. М. Шилихина // Вестн. ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – № 2. – С. 40.
16. Земская, Е. А. Словообразование как деятельность / Е. А. Земская. – М. : Изд-во КомКнига, 2005. – С. 180.
17. Коряковцева, Е. И. Словообразовательные ресурсы новых функциональных стилей славянских языков / Е. И. Коряковцева // Slowotworstwo a nowe style funkcjonalne językow słowiańskich. Word-formation and the newfunctional styles of Slavic languages : Proceedings of International Congress of Slavists, Minsk, August 20–27, 2013. Siedlce, 2013. – С. 14.
18. Маркова, Е. М. Роль СМИ в креативизации лексики современного русского языка [Электронный ресурс] / Е. М. Маркова // Вестн. Моск. гос. областного ун-та (электронный журнал). – 2017. – № 1. – С. 5. – Режим доступа: <https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/298/296>. – Дата доступа: 09.03.2023.
19. Большой толковый словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. ; гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : АО «Норинт», 1998. – С. 1352.